

Лишь яростная рвота Сасукэ вернула ее в себя.

В кошмарах она всегда была одна. Всегда. Или настолько одинокой, насколько ей позволял неумолимый враг и надвигающаяся смерть.

Паралич ужаса был не единственным, что преследовало ее, когда она просыпалась. Еще большее значение имела погоня. Она бежала и бежала, бежала и бежала, пока дневной свет не прервал бы этот цикл, и даже тогда ей не удалось бы избавиться от этой беспокойной потребности. Если бы их враг сделал хоть шаг вперед, выхватил кунай, она бы бросилась бежать. Бросилась бы, не задумываясь ни о Сасуке-куне, ни о Наруто, ни о чём другом. Настолько она была ошеломлена.

Но, наблюдая за тем, как Сасукэ-кун с трудом переходит в полуприседание, она поняла, что не может бежать, не так. Потому что никогда прежде она не видела у него такого выражения лица: дикие, отчаянные глаза не смотрят на противника, а ищут ее. Помимо давящего страха собственной смерти, в ее сердце что-то сжалось. Сасукэ-кун...

Она не могла знать, что Сасукэ в своем неустанном стремлении к совершенству сам создал себе неожиданную слабость. Он создал себя, чтобы никогда не бежать, и потому, что страх был слишком велик, чтобы продвигаться вперед, он мог только стоять и дрожать.

Но она уже бывала здесь раньше.

Это было не самое удобное место, не самое красивое, не то, в котором она хотела бы жить, но она умерла десятками смертей во сне. В огне, в воде, в боли, которая длилась дольше, чем короткая, жестокая смерть от глубоко вошедшего куная.

Она слегка запыхалась, но не стала медлить. Она понимала, что ей нужен план. Нужно было сделать что-то большее, чем просто атаковать или бежать вслепую. Но ее сообразительность подводила ее, упираясь в стену мастерства. Она не могла атаковать и надеяться на победу, но не знала, будет ли достаточно просто бежать. Не тогда, когда их противник может использовать подобные способности без малейших признаков подготовки или напряжения. Кем бы ни была эта Куса-нин, она не была кандидатом на экзамен чуунина.

Бездействие - тоже смерть, и между движением вперед и отступлением она выбрала бы отступление. Одного выбора было недостаточно, но если Сасукэ-кун не придет в себя быстро, то, возможно, так и придется поступить. Она не думала, что сможет нести Сасукэ-куна достаточно быстро, чтобы сбежать, не имея возможности чем-то занять врага-нина. И она сомневалась, что ее гендзюцу заставит его не только моргнуть.

От отчаянного и бесплодного планирования ее отвлекло медленное движение Сасукэ, пытающегося достать кунай и выпрямиться в привычную стойку. Она никогда не видела, чтобы он так упорно боролся, чтобы добиться столь малого.

"Очень хорошо", - похвалила женщина. "А что будет дальше?"

Сакура смотрела, как их противник достает два куная, дразняще держа их за петли. "Не волнуйся, я сделаю это быстро. Но мне не нужно говорить тебе об этом, не так ли? Ты сам видел это своими глазами. Но должен сказать, как... разочаровывающе".

Сакура увидела, как враг отводит руку назад. Видела Сасукэ-куна, все еще крепко держащегося в тисках своего страха.

И все ее полустертые планы, так мучительно обдумываемые под гнетом душившего ее ужаса, исчезли.

Рука метнулась к под сумку с кунаем, запястье выскочило в идеальный момент, а ноги понесли ее в сторону от места, где она присела. Плечо ударилось о ребра Сасукэ-куна достаточно сильно, чтобы вырвался болезненный хрип, но она впились пальцами в спинку его рубашки и выпрямилась, чтобы броситься вперед в спринте.

"Значит, добыча все-таки не так уж беззащитна", - крикнула ей вслед противница, и звук металла о металл подсказал ей, что она парировала ее кунай.

Она не стала завязывать разговор, а просто побежала, используя чакру и странные наклонные стволы, чтобы совершать огромные прыжки. Сакура напрягла спину в ожидании ответного удара кунаем, но его не последовало. Это не было удачей, она не думала, когда у нее было время думать о чем-то, кроме угла, выхода и ками-сама, что мне делать, если..., но это было частью той же причины, по которой шиноби останавливались, чтобы завязать разговор перед атакой.

Что бы она ни хотела, она хотела сделать это лицом к лицу.

Сакура не стала отступать далеко, понимая, что Наруто где-то рядом, что этот ниндзя что-то с ним сделал, но, с другой стороны, она не могла обогнуть врага, когда Сасуке-кун подпрыгивал на её плече, как мешок с рисом.

Сакура ожидала, что он сердито оттолкнется от нее, когда она присела, ожидала, что он напустит на себя ту самую суровость, которой он прикрывал свое редкое смущение, но он просто опустился на землю, глаза были слишком широкими и дикими, чтобы притворяться самообладанием. Он был более подвижен, чем раньше: боли от удара костлявым плечом в ребра хватило, чтобы ослабить действие гендзюцу, но он не освободился от него.

Наверное, потому что это было не совсем гендзюцу, подумала Сакура, беспокойно озираясь. Их противник был просто ужасающим. "Сасукэ зажал ей рот рукой, прежде чем она успела сказать что-то еще, и крепче стиснул кунай.

"Мы должны выбраться отсюда", - отчаянно прошептал он. "Мы должны двигаться".

Он так и сказал, но не поднялся, как раньше. В периферийном зрении мелькнуло движение, и глаза ее расширились, когда она увидела огромное существо, не мигая глядящее на нее с молчаливой угрозой.

С тех пор как они прошли под первыми ветвями Леса Смерти, она находилась в режиме урока выживания, поэтому ее разум выдавал информацию без сознательных усилий. Так что помимо мгновенного "о, ками-сама, это гигантская змея", был еще целый поток информации. Они жили в лесу, в умеренном климате. Змеи были неотъемлемой частью ее жизни, и Сакура не думала, что испытывает какой-то особый страх перед ними. Но, с другой стороны, она никогда не встречала змей, чья голова была бы почти такой же большой, как ее спальня.

Уклоняясь от руки Сасукэ-куна, она отметила, что змея не местная, судя по форме головы, не ядовитая, скорее всего, констрикторная, но это было все, что она успела сделать, когда она прыгнула, и змея бросилась на нее с ослепительной скоростью. Ее зубы представляли собой выверенные ряды изогнутых назад белых столбов, уходящих в темноту горла, два ряда на нижней челюсти и четыре вдоль крыши пасти. И когда эта пасть сомкнулась вокруг нее, мысль о том, что она правильно догадалась, что это констриктор, не принесла ей никакого утешения.

Но у нее не было времени ни на самодовольство, ни на сожаление. Спрыгнув с дерева, она достала кунаи и теперь использовала их, чтобы удержаться от стремительного рывка, который мог бы привести ее в горло. Она вогнала их глубоко в крышу пасти, взмахнув ногами так, чтобы зацепиться чакрой за ребристый потолок. Это сработало на мгновение, пока она не почувствовала боль, а затем она превратилась в камень, который трясут в деревянном ящике, только в этот ящик были вбиты гвозди с острыми концами, а камень был хлипким и мясистым.

Камень яростно мотал головой, пытаясь вырвать ее, но его размеры мешали, потому что она была слишком мала, чтобы мощные мускулы горла могли протиснуться в ее пасть. Она попыталась удержаться на месте, но, хотя руки и ноги были надежно защищены от зубов, ее сил не хватало, чтобы удержаться на месте. Рубашка зацепилась за кончик одной из них, и, отвлекшись, при следующем резком движении она зацепила не только ткань.

Она проглотила вскрик и подавила мгновенный порыв рвануться прочь, закрыв глаза, чтобы притвориться, что не находится в пасти, и стала ждать подходящего момента. Он наступил, когда змея откинула голову, и почти две трети ее массивного тела взлетели вверх, совершенно перпендикулярно земле. Сакура отпустила руку и на мгновение оказалась в ужасающем свободном падении, спиной к поджидающему ее горлу, не имея возможности оценить расстояние в темноте, но на мгновение пасть раскрылась, в нее хлынул солнечный свет, и она вогнала второй комплект кунаев. На этот раз она была достаточно далеко, чтобы беспокоиться о зубах только в том случае, если змея опустит голову и она упадет вперед, но с нее было достаточно и этого. Здесь было не так сыро, как она думала, но стоял неприятный запах, а бок был теплым, липким и болел.

Она оттолкнулась от крыши и неловко приземлилась на вертикальное пространство у основания рта, как раз на заднюю часть языка. Она потеряла опору, и ей пришлось направить

чакру через бедро, но она оказалась рядом со своей целью, и этого должно было быть достаточно. Сакура попыталась вспомнить, учили ли ее анатомии змей, но все, что она смогла вспомнить, - это ничего не значащие факты об увеличении размеров органов во время пищеварения, и то, что сердце змеи может увеличиться на сорок процентов при обильной трапезе, ей совсем не помогло. Но мозг был защищен костью, позвоночник - плотью и расстоянием, так что оставалась передняя часть горла.

На этот раз она обнажила один из своих ножей, более длинный и лучше подходящий для резания, чем любой кунай. Перевернув его так, чтобы изгиб был под углом, словно у нее был собственный клык, она со всем своим весом и чакрой, обеими руками крепко держась за рукоять, вонзила его, а затем прорвала им плоть, словно пыталась вспахать поле. Кровь хлынула вверх, заливая руки, лицо, но она лишь заново прорыла траншею, и незащищенная плоть с наслаждением расступилась под ее хорошо заточенным лезвием. Она работала с бешеной энергией, и, поскольку она больше не болталась, ее борьба стала менее болезненной, а больше просто ощущением, что она оставила свой живот в двадцати футах позади.

Потом она увидела дневной свет и пошла за ним, используя нож и свободную руку, чтобы разойтись, выскользнув из извивающейся массы змей, как из какого-то особенно чудовищного порождения. Она надеялась, что это остаточная нервная функция, но даже если бы это было не так, животные не были похожи на людей. Перед лицом разрушительной травмы они отступают и спасаются бегством.

Неустойчиво стоя на ногах, она с удивлением смотрела на Сасукэ-куна. Чувство времени и расстояния, ограниченное темным внутренним пространством змеиной пасти, заставило ее вспомнить, что короткая схватка длилась гораздо дольше и преодолела гораздо большее расстояние, чем было на самом деле. Дыхание немного успокоилось, и она вскочила на ствол, чтобы вернуться к нему, и только когда она смахнула прилипшую к щекам челку, поняла, насколько она покрыта кровью, а ее нож по-прежнему зажат в одной руке в судорожной хватке.

Она подумала, что Сасукэ-кун смотрит на нее, но когда он прорычал: "За...", она повернулась и увидела, как из головы змеи вырывается что-то.

Их схватка еще не была закончена.

<http://tl.rulate.ru/book/100569/3440632>